

РАЗДЕЛ 2

Идеи и прогнозы А.С. Панарина в современном контексте

Кацапова И.А.

Социально-этический смысл принципов и понятий современного этапа глобализации

Современные условия глобализации, связанные с мировой системой взаимоотношений между государствами и народами, поставили человечество перед выбором новых методов решения возникающих проблем. С одной стороны, современные процессы становления новых цивилизационных форм взаимоотношений между государствами предполагают переход от привычных международных форм сотрудничества к более современным формам. С другой стороны, в общем, остается неопределенным понимание того, на каких *новых* принципах будут выстраиваться эти взаимоотношения. Должны ли новые отношения, как и прежде, ориентироваться на некие универсальные принципы — коими всегда были т.н. «общечеловеческие ценности», выступавшие неким императивом развития мировой цивилизации, или будут формироваться иные, адекватные современным глобализационным процессам, формы и смыслы международных отношений, отличные от уже устоявшихся и фактически принятых всем миром формальных отношений.

Сформированные в процессе эволюции различных исторических эпох, а также социально-экономических укладов, общечеловеческие ценности, став универсальными, синтезировали в себе

исторический опыт как общественной, так и индивидуальной жизни. Оформи́вшиеся в исторической парадигме, они в сущности представляют собой единство социальной практики и жизненного опыта как человечества в целом, так и человека в частности. В социальной практике общечеловеческие ценности не ограничиваются субъективными мировоззренческими идеалами, позволяющими, например, определяться человеку в его выборе по поводу того, что есть добро, а что есть зло, что есть прекрасное, а что — безобразное, что есть истина, а что — ложь и т.п., поэтому в практической плоскости они, совмещая в себе общность интересов человеческого рода, отражают как духовный, так и материальный (утилитарный) опыт всего человечества. Возможно, благодаря именно им в мировом пространстве на уровне политических, культурных, экономических интересов государств и народов создавались (и пока еще создаются) благоприятные условия для реализации именно общечеловеческих интересов, сориентированных на наиболее справедливые и выгодные условия сотрудничества.

К сожалению, сегодня универсальные принципы обесцениваются, и надо заметить, не идеологиями, а современным типом политизации всех сфер жизни, при которой рациональные и разумные формы порядка переходят в прагматическую сферу зависимости и подчиненности непредсказуемым политическим формам дискурса. Пристального внимания заслуживает то, что современная реальность, ее политическая составляющая, провоцирует иные, с точки зрения политехнологий «современные», — но по существу просто отличные по отношению к универсальным ценностям установки межкультурной коммуникации. Политический лексикон часто искажает смысл таких понятий, например, как «содружество», «солидарность», «диалог культур». На повестку дня выходят не проблемы сотрудничества, или солидарности, а, напротив, проблемы религиозной и культурной нетерпимости. Однако, как показывает опыт, любое игнорирование или нивелирование такого рода фундаментальных ориентиров (как с теоретической, так и с практической точки зрения), очевидно, является по меньшей мере безответственным намерением, негативно влияющим как на общественное развитие, так и на международное сотрудничество.

Особенностью современного этапа неолиберальной модели глобализации является как раз то, что в контексте идеологии этого процесса происходит *деморализация* основополагающих принципов и канонов общественной жизни и развития, на которые до сих пор ориентировалось человечество в области социальной и индивидуальной нравственности, которую сторонники глобализации предлагают заменить понятием «естественного отбора». И связано это с тем, что современная модель глобализации, сориентированная на финансово-экономические интересы, трансформирует общепринятую сферу знаний о человеке, интерпретируя суть социальных связей и отношений через призму понятия «рынок», где социальная сфера подчиняется законам рынка, а человеческая жизнь описывается в терминах экономики. В результате этого люди как социальные субъекты рассматриваются в качестве свободных предпринимателей, а их жизнь — как предприятие, где социальные отношения воспринимаются как контракт или как акт «купли-продажи», а история человеческого рода замещается антропологией «контрактного субъекта».

Теме переоценке смыслов и принципов социальной жизни были посвящены и работы А.С. Панарина, который уже в конце XX — начале XXI века настаивал на необходимости реформационных перемен, которые он называл «мощным реформационным сдвигом», в смысле «обновления жизненных смыслов и ценностей». Человечество, утверждал Панарин, «подшло к необходимости планетарной реформации, затрагивающей основные принципы жизнеустройства, ценности, приоритеты, — основания социальных практик, норм массового поведения»¹. Основания таких перемен он видел в том, что «прежние, столь долго служившие, ориентиры» завели человечество в тупик, закрыв горизонты для его развития.

Необходимость реформационных перемен Панарин связывал даже не столько с тем, что существовала опасность экологической угрозы планетарного «разрушения природы», сколько с тем, что в этом контексте главную угрозу он видел в разрушении социальной «ткани человеческих отношений». По мере распространения

¹ Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 273.

утилитарно-прагматического принципа на социальные отношения, по мнению Александра Сергеевича, человек стремительно превращается в средство. «Безудержная “прометеева воля” в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса»². Свои выводы он строил на убеждении в том, что современная ему культура находилась в кризисе, который затрагивал сложившиеся принципы устройства, связанные, с одной стороны, «с установками “прометеева человека” — покорителя природы и истории, насаждающего инструментальное (технологическое) отношение к миру», а с другой стороны, кризис распространился на «ценностно-мотивационную сторону культуры» проявился в общем упадке «жизненного тонаса цивилизации», ее мотивационного уровня. Спасти человека от ситуации утраты своего назначения — в качестве «субъекта», а не «объекта» социальных процессов», по мнению Панарина, мог только «мощный реформационный сдвиг».

Александр Сергеевич указывал и на кризис «нормативной сферы», которую он связывал с философией постмодернизма, в культуре которой, с его точки зрения, утрачены были «надежные процедуры разграничения порока и доблести, прекрасного и безобразного, реальности и мифа». Постмодернизм на самом деле характеризуется радикальным пересмотром базисных, во многом толкуемых традиционно концепций и понятий. Поэтому философия постмодернизма, отрицая иерархичность и целостность внешнего мира, по сути противопоставляет традиционным формам разумности — категорию ризомы (описывающей мышление человека и историю). Методология философской мысли постмодерна, опираясь на принципы плюрализма и эпистемологического релятивизма, может сделать возможным — религию без Бога, мистику без сверхреальности и т.п.

Конечно, нигилизм философии постмодернизма имеет свои истоки. Одним из идеологов постмодернизма считается Ф. Ницше, выступивший с требованием переоценки ценностей культуры и отказом от идейных наработок классической философии. Усомнившись в универсальности моральных принципов, Ницше подвергал

² Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 273.

критике традиционные, в основном христианские, ценности. Пребывая в поисках «новых» ценностей, он предложил в качестве эталона — «жизнь саму по себе», что по социальным критериям жизни того исторического периода противоречило традиционному представлению о смыслах и ценностях.

И если Ницше выступил с требованием переоценки ценностей культуры и отказом от идейных наработок классической философии, провозгласив смерть Бога в культуре как гарантию высвобождения безудержной «воли к власти», то современные постмодернисты, по мнению Панарина, объявили — о «смерти Отца» в культуре, выступив с гуманистическими намерениями помочь тем, «кто страдает от “власти отца” в семье и обществе, кто тяготеет авторитетом как таковым и пытается ниспровергнуть его любой ценой»³. Символична в этом плане реабилитация Эдипа, которого, в отличие от Фрейда⁴, постмодернисты «приветствуют» как «восхитительного юношу Эдипа», устранившего с пути современной молодежи архаичную, ненавистную фигуру отца — «носителя ограничений». В социальном пространстве «Смерть отца» по сути означает, что норма как источник ограничений и самоограничений (интериоризированных запретов) — наконец-таки утратила силу. С утратой ограничений и самоограничений наступает эпоха «высшей свободы»: свободы от традиций, и от морали в том числе. Из взаимосвязанных сторон культуры — новации и традиции, творчества и преемственности — постмодернисты пытаются утвердить только одну — первую (*новацши*).

На самом деле проблема выявления нормативной структурированности системы общественных отношений остается особо актуальной и в настоящее время. Важность этой темы обусловлена растущим интересом к проблеме, связанной с человеческим действием, с одной стороны, и смыслом общественных отношений — с другой. Современные взаимодействия между людьми приобретают массовый характер, принуждая человека к непрерывному общению, что подразумевает постоянный контакт его с другими,

³ Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 275.

⁴ З. Фрейд говорил об Эдиповом комплексе, связанном с чувством вины за убийство отца.

при котором человек не может принадлежать только себе, своим интересам, а вынужден строить свои планы в соответствии с нормами общезнания. Смогут ли в таких условиях установки постмодернизма обеспечить социальный комфорт во взаимоотношениях? Или, как задавался вопросом Панарин, «способны ли выжить культура, цивилизация, человечество в условиях постмодернистской одномерности? Не приведет ли “Смерть Отца” в культуре к безудержному нигилизму планетарного масштаба?»⁵.

Массовый характер современных социальных отношений вовлекает человека в постоянные коммуникативные отношения с другими. Поэтому в современных условиях различия отдельных индивидуальностей, их среды и жизненного опыта, порождающих различные формы мировоззрений, вступающих, как считал немецкий философ и историк культуры В. Дильтей, «в борьбу между собой за власть над душой»⁶, тема универсальных смыслов, а тем более моральных принципов становится весьма актуальной, как, впрочем, и тема определения «общего языка разума», который, согласно философу и социологу К. Попперу, следует использовать «как средство рациональной коммуникации»⁷.

Ориентируясь на то, что условия коммуникации могут быть разнообразными: от обыденного разговора, беседы — до профессиональной дискуссии, спора, важно отметить и то, что в повседневной жизни диалог в ситуации обычной беседы между людьми, на уровне «я — ты», существенно отличается от дискурса, организуемого в социальном пространстве совместной деятельностью людей, в том числе и интеллектуальной. В современном дискурсе общим для всех языков, как утверждал французский философ П. Рикёр, является индивидуализация, при которой говорящий (или *субъект речи*) в диалоге может самоидентифицироваться, конечно только в том случае, если обозначит себя в качестве *единственного* автора своих высказываний. Рассуждая о «речевом акте», философ акцентирует внимание на его протяжен-

⁵ Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 275.

⁶ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX века. Антология. М., 1995. С. 223.

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 37.

ности, когда через высказывание как таковое: *я не просто говорю, или сказал, а пообещал* — происходит то, что само высказывание «я пообещал» содержит в себе не только проекцию будущего, но и, неявно, *условие* диалога, которому, в свою очередь, соответствует прежде всего *обязанность* или *обязательство* человека или участника дискурса — выполнить то, о чем он сказал, т.е. обещанное. В таком случае для современного человека должна срабатывать установка: «говорить — значит делать». И, таким образом, исчезает существенная разница между обыденной беседой, когда участники дискуссии просто обмениваются информацией, и профессиональной дискуссией (или полемикой), при которой практический опыт сотрудничества детерминируется как моралью, без которой сам опыт сотрудничества осуществиться не может, так и тем, что профессиональное общение должно и выстраивается на уровне *прав и обязанностей*, когда любое сообщение или высказывание подразумевает обязанность это выполнить. Это очень важный аспект современного профессионального дискурса, который, расширяя границы простого диалога, переходит в правовое поле коммуникации, где коммуникативные связи выстраиваются на уровне прав и обязанностей участников диалога. Дискурс такого рода важен во всех сферах профессиональной деятельности современного человека и уж тем более в сфере политического диалога, главным условием которого должна выступить установка на консенсус.

К тому же культура современного диалога должна ориентироваться на такие универсальные принципы, как уважение, взаимопонимание и сотрудничество. Такого рода условия важны в контексте диалога культур, который возможен только через призму общечеловеческого духовно-религиозного пространства, обеспечивающего результативность любого межнационального, межкультурного диалога. На основе универсальных принципов — взаимоуважения, взаимопонимания, сотрудничества и т.п. — могут быть созданы и создаются позитивные условия готовности сторон синтезировать, на основе уже имеющихся традиционных форм, собственный социокультурный опыт с новыми формами и возможностями другой культуры. Рассматривая межгосударственные культурные коммуникативные связи представителей

разных национальностей и рас, следует заметить, что превалирующим в этих отношениях является интерес к культурному опыту и наследию друг друга. В диалоге культур не следует игнорировать то, что сама ситуация порождает проблему поиска наиболее адекватного совмещения приверженности общечеловеческим ценностям с тем, что представляет собой социокультурный код национального государства. В данном случае совершенно очевидно, что без ориентира на универсальные ценности и смыслы вряд ли вообще возможны какие бы то ни было позитивные коммуникативные связи между государствами, народами, этносами.

В отношении диалога культур следует заметить, что он необходим для современного мира, и даже не столько как взаимодействие культур разных народов — это базисное условие, — сколько в качестве главного фактора и условия самосохранения человечества. Важным моментом в современном диалоге культур, его главным условием является то, что межкультурные отношения и взаимодействия должны ориентироваться не на понятие конкуренции, а на принцип сотрудничества. В условиях согласованности интересов, сотрудничества и взаимопомощи возрастает результативность диалога в решении заявленных проблем, — соответственно, и его статус, перерастая локальные границы, приобретет мировой масштаб.

Сегодня диалог культур может способствовать сохранению мира во всем мире. Но при этом необходимо соблюдать условия, при которых отношения между культурами народов, наций, этносов будут рассматриваться не через призму стремление обобщить сам процесс взаимодействия и не через призму сравнения или оценки. В диалоге культур необходимо ориентироваться на то, что в системе межкультурных отношений главное — не соотношение самих культур, их качественные, или особенные, пути развития, а то общее, что может реально *объединить их интересы по сути*. Это могут быть как экономические, так и политические, и социальные, и культурные (в узком смысле) связи. С прагматической точки зрения диалог культур необходим сегодня для того, чтобы государства, народы, нации договорились об условиях «нового порядка». Современному же человеку необходимо конкретно определиться по поводу того, **что ему важно — быть или иметь?**

В контексте современной, активно меняющейся «картины мира» любое теоретическое исследование с необходимостью должно ориентироваться на *новую*, формирующуюся современностью модель социальных отношений. «Полемика вокруг социальных программ, их экономических и социальных последствий, — писал Панарин, — заняла одно из центральных мест в идейно-политической борьбе различных общественных сил на Западе. В ходе этой полемики обозначились два круга вопросов: первый — кому и насколько необходимы эти программы, какой их общественный смысл в целом; второй — каковы конкретные способы их развития и обеспечения?»⁸. Позитивно оценивая целесообразность социальных программ вообще, неоконсервативные теоретики и публицисты вместе с тем формулировали свои сомнения по поводу, например, того, что социальные программы насаждают массовое социальное иждивенчество, своего рода «контркультуру пособий», подрывающую культуру и этику труда. Возмущались и по поводу того, что «политика социального вспомоществования» может породить «особую, искусственную социальную среду, условный мир, защищенный от действия механизмов естественного отбора, иначе говоря, мир-фантом, противостоящий законам и требованиям экономической реальности?». Идейная борьба развертывалась и по поводу «альтернативных вариантов развития социальных программ: должны ли они развиваться в духе “демократии равенства”, предполагая принудительное и усиливающееся перераспределение средств: изъятия их у более зажиточных слоев населения или более рентабельных предприятий в пользу менее зажиточных или менее респектабельных?»⁹

На самом деле специфика конструирования социальных моделей или проектов с необходимостью должна ориентироваться на то, что в любой интегрированной системе социокультурных явлений все основные ее элементы являются с различной степенью интенсивности взаимозависимыми. Поэтому любые формы соци-

⁸ Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике (Критические очерки французского неоконсерватизма). М., 1989. С. 62.

⁹ Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике (Критические очерки французского неоконсерватизма). М., 1989. С. 62–63.

ального моделирования должны быть сориентированы на установку *улучшения*, а не ухудшения социальных форм жизни. В таком случае обсуждать все процессы социального развития — от локальных до глобальных — следует с учетом именно позитивного их влияния на социальную и общественную жизнь, и прежде всего на жизнь самого человека.

Современные социальные концепции, основанные на рефлексии, что теория общества конституирует себя одновременно *как анализ настоящего*, должны включать в себя определенные структурные признаки существующего общества, которые детерминируют формы его развития, его самоинтерпретацию и, соответственно, идеологию его развития. В понятие социальной теории необходимо включать не только методологические принципы ее конструирования, но необходимо акцентированно выделять фактические проблемы как самого общества, так и общественного сознания, через призму которого отражаются практически все существенные моменты социальных процессов.

Сегодня одним из принципиальных вопросов социального моделирования является вопрос об использовании наличных ресурсов, способных в перспективе создать наибольшую вероятность оптимального развития различных, или возможных, или уже существующих способов организации общества и общественных институтов. Современные социальные проекты или современные концепции моделирования социальной реальности в любом случае не должны строиться лишь на оценке, пусть даже позитивной, самой модели социального благоустройства. Скорее, они должны ориентироваться на условия существования общества как такового, его политического, социального, правового, культурного потенциалов, которые являются базовыми для его развития и для его процветания. Конечно, важно при этом учитывать то, что социальное моделирование невозможно без контекста геополитического горизонта, будь то непосредственное или опосредованное его включение. Не следует рассматривать современное общество однолинейно, лишь технократически — как «большую фабрику», скорее, необходимо усилить внимание на его культурной целостности, в которой утилитарно-функциональные связи носят подчи-

ненный характер. И, по всей видимости, можно согласиться с мнением Александра Сергеевича, что «человечеству необходим поворот в духе пантеистического постмодерна, предтечей которого можно считать русский космизм. Он близок к сформулированной Джеймсом Лавлоком концепции Геи, согласно которой планета ведет себя как единый одушевленный организм»¹⁰.

Сегодня важно даже не столько теоретически и методологически, сколько практически сформировать четкое представление о глобализации как о современном феномене, воздействующем на общественную и государственно-правовую жизнь всех без исключения стран и народов. Современные дискуссии в большей мере затрагивают проблемы, связанные с внутренней динамикой процесса глобализации. Однако проблема нерешенного *конфликта целей* так же актуальна для современного этапа глобализации, который, безусловно, поставил перед человечеством много проблем. Центральной, безусловно, является проблема поиска новых форм цивилизационного развития. Необходимо уйти от одномерности и максимально использовать тот потенциал, который накопили различные мировые культуры и цивилизации в ходе длительного исторического опыта. И главное в этой ситуации — понять, как утверждал Панарин, «возможно ли и в какой мере сочетать инструментальную эффективность Запада с “экзистенциальной” эффективностью других цивилизаций, меньше дающих индивиду по меркам повседневности, но благоприятствующих сохранению вида». Никто не станет отрицать, что западная цивилизация высокодинамична, однако «сформированные ею жизнестроения не гарантируют выживание в длительной исторической перспективе. Другие цивилизации оказались гораздо менее эффективными по целому ряду критериев, но их способность существовать в масштабах длительного планетарного времени подтверждена историей»¹¹.

Понятно, что жизнь человека связана с проблемами, решать которые необходимо по мере их поступления. И тем не менее —

¹⁰ Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 273.

¹¹ Панарин А.С. Русская идея в грядущей общепланетарной реформации // Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 275.

независимо от того, обсуждаются глобальные или локальные вопросы, социальные вопросы или вопросы культуры, ясно лишь одно: всегда были и будут идти споры о приоритетах, а по сути о «вкусах» и «пристрастиях». И, как видится, в меняющейся исторической обстановке меняется не сущность вопроса, а только способ его постановки и условия его решения. И даже то, что сегодня фундаментальные и привычные формы социальной жизни поставлены в условия формирования почти планетарной опасности — опасности инфляции идеалов и идей, убеждает в том, что на самом деле, независимо от того, насколько *по-новому* звучат и на что ориентируются установки концепции «нового порядка жизни», все смыслы социальной жизни в конечном итоге сводятся к фундаментальным проблемам соотношения мира и войны, жизни и смерти, добра и зла.

В целом же, учитывая, что основная идея *современной* концепции глобального сообщества определяется системой международных отношений, которые практически базируются на международном праве, представляющем собой совокупность правоотношений с элементами нормативных актов, регулирующих эти отношения, важно понимать, что основной принцип современных международных отношений должен базироваться на фундаментальных принципах, к которым относятся: во-первых, принцип международного сотрудничества, выражающийся в заботе о сосуществовании наций, народностей, этносов; и, во-вторых, принцип международной солидарности. И главное, какими бы архаичными ни казались эти понятия для современного человека, именно они способны объединить человечество в единое политическое и культурное пространство.